

- Ревякин Д. Гнев Совы. М., 1998. 140 с. [Revyakin D. Gnev Sovy. M., 1998. 140 s.]
Ревякин Д. Кольца алые. М., 2003. 127 с. [Revyakin D. Kol'tsa alye. M., 2003. 127 s.]
Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1982. 783 с. [Russkaya grammatika / pod red. N. Yu. Shvedovoj. T. 1. M., 1982. 783 s.]
Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой : в 4 т. М., 1999. [Slovar' russkogo yazyka / pod red. A. P. Evgen'evoj : v 4 t. M., 1999.]
Степанов Н. Л. Велимир Хлебников: жизнь и творчество. М., 1976. 280 с. [Stepanov N. L. Velimir Khlebnikov: zhizn' i tvorchestvo. M., 1976. 280 s.]
Хлебников В. Поэзия, драматические произведения, проза, публицистика. М., 2001. 696 с. [Khlebnikov V. Poeziya, dramaticheskie proizvedeniya, proza, publitsistika. M., 2001. 696 s.]

Статья поступила в редакцию 19.04.2013 г.

УДК 811.161.1'373.4 + 811.161.1'373.612.2 + 395

Е. Н. Мушникова

ОБРАЩЕНИЕ ГОЛУБЧИК/ГОЛУБУШКА В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Рассматривается вопрос о вариантах этикетных обращений и о возможности включения в них метафорической пары «голубчик»/«голубушка». Высокая частотность употребления данных анималистических имен как вокативов в чеховской прозе вполне мотивируется их языковыми особенностями в системе лексических единиц.

Ключевые слова: анималистическое имя; антропоним; вокатив; обращение; зоометафора; лексема; коннотация; этикет.

Проблема выбора этикетных гендерных обращений в современном русском языке ставит по меньшей мере два вопроса. Первый из них связан с анализом лексико-грамматических оснований «стремительно набравшего частотность обращения *мужчина/женщина*» [см.: Супрун]. Второй вопрос — о возможности использования анималистических лексем *голубчик/голубушка* в качестве этикетных вокативов, высокая частотность которых в прозе А. П. Чехова вполне мотивирована их особенностями в системе языка.

Универсальный характер данных вокативов обнаруживается и при переводе их на английский язык, часто не располагающий семантико-анималистическими аналогами. Их перевод с одного языка на другой осуществляется за счет иных, чем зоометафора, вербальных средств, в результате чего русские вокативы теряют коннотацию, приобретая в английском тексте статус стилистически нейтральных антропонимов. Допустимость подобной трансформации является одним из доказательств десемантизации прямых номинативных значений рассматриваемых анималистических лексем, когда они функционируют в качестве антропонимических обращений. Об этом свидетельствует и общепринятое

их употребление в конце XIX — начале XX в., прерванное революционными событиями 1917 г., активизировавшими другие лексемы в качестве обращения. Появилось обращение *товарищ*. В устной речи стали частотными гендерные вокативы *мужчина/женщина*. Они стали «альтернативой аристократическому *господа* и просторечному *мужики*»: «новое советское общество таким образом пыталось отказаться от речевого этикета (resp. культуры) предыдущей эпохи» [Ефремов, с. 44].

Обращения *мужчина/женщина* оказались довольно востребованными в разговорной речи, поскольку не имели и до сих пор не имеют альтернативы. Их просторечный характер не исключает, однако, возможности их употребления «в определенном типа дискурсах»: так, «в современном городском общении женщины, собравшиеся в кружок во дворе», вполне уместно используют «обращения *Женщины!* или *Девочки!*» [см. об этом: Янко, с. 574—579]. Употребление плюральных форм *женщины/девочки* в вокативной функции обеспечено здесь, во-первых, собирательным лексико-грамматическим значением форм множественного числа, в которых стираются некоторые языковые особенности лексем, препятствующие их включению в систему вокативов, и, во-вторых, прагматической установкой текста, отражающей конкретную речевую ситуацию.

Вероятно, и обращение *мужчина* в определенных речевых условиях может быть вполне оправданным. Однако в функции этикетного вокатива эта лексема оказывается не всегда уместной, поскольку может не соответствовать денотату по тем оценкам, которые содержатся в ассоциативно связанных с ней словах *мужество, мужественный, мужественность* (большинство носителей языка, не знакомое с тонкостями разграничения словообразовательной диахронии и синхронии [Тихонов, т. 1, с. 636], воспринимает их как близкородственные слову *мужчина*). Народное сознание, таким образом, в лексему *мужчина* включает оценочные семы 'твердость', 'мужество' [БАС, т. 6, с. 1349], что усложняет антропоним дополнительной аксиологией, прагматически ограничивающий его употребление.

В отличие от словарной трактовки деривационных связей слова *мужчина* как этимологических, лексемы *женственный, женственно, женственность* входят в словообразовательное гнездо 'женщина' [см.: Тихонов, т. 2, с. 343]. Однако близость этих синхронно однокорневых слов не стала основанием для того, чтобы яркие оценочные значения (*нежный, мягкий, изящный*) перешли на вокатив *женщина*. Это объясняется, вероятно, тем, что в словаре у лексемы *женщина*, помимо основного значения («лицо, противопоставляемое по полу мужчине»), закодирован оттенок «взрослая, вышедшая из состояния подростка» [БАС, т. 4, с. 82]. Сема возраста актуализируется в позиции одиночного обращения данной лексемы, вытесняя оценочные семы, обусловленные словообразовательными связями. При этом возможность их актуализации не исключается в других синтаксических функциях: 1) *Женщина может быть другом мужчины лишь в такой последовательности: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг* (А. П. Чехов. Дядя Ваня); 2) *Дашу Озаровскую, бывшую Мусину-Пушкину, бывшую Глебову, нельзя считать актрисой серьезно. Это пустяки одни, а не женщина* (А. П. Чехов. О. Л. Книппер-Чеховой). Перестройка состава сем у подле-

жащего (1) и сказуемого (2) осуществляется в синтагматических связях, благодаря которым в лексеме стирается сема возраста.

Показательно, что даже в юмористической прозе А. П. Чехова нет ни одного случая употребления слова *женщина* в качестве одиночного обращения, хотя в сочетании с атрибутами, способствующими актуализации в слове значения зрелой красоты, его использование отличается высокой частотностью: (Платонов, Саше): *Пожалуйте! Милости просим, молодая женщина!*; (Платонов): *Вы подумайте, гордая, умная, прекрасная женщина! Куда и зачем вы пришли?! Ах...* (А. П. Чехов. Безотцовщина); *Ну, будьте здоровы, милая актриса, великоленная женщина, да хранит Вас Бог* (А. П. Чехов. О. Л. Книппер-Чеховой).

Этикетному статусу обращения *женщина* препятствуют и естественные трудности выбора вокативов в паре *девушка/женщина*. Лексема *девушка* толкуется как «лицо женского пола, достигшее полного физического развития, но не состоящее в браке» [БАС, т. 3, с. 635], в связи с чем социальная, физическая и возрастная аксиология слова *женщина* лишена определенности. И даже точная информированность говорящего лица о возрасте собеседницы не исключает прагматической ошибки, не гарантирует одобрительной реакции с ее стороны, оставляя за ней право на субъективное ощущение себя с точки зрения зрелости. Таким образом, вокатив *женщина* оказывается нежелательным по этическим соображениям: он содержит оттенок фамильярности и даже грубости, а главное, его использование демонстрирует некую бесцеремонность вторжения в личное пространство адресата.

Сравнение вокативов *мужчина* и *женщина* позволяет сделать вывод о том, что первый из них имеет меньше семантических запретов для функционирования в качестве обращения, что связано с ментальностью лица мужского пола, для которого невозможна негативная реакция на указание возраста даже в том случае, когда оно не соответствует степени зрелости. В этом смысле трудно себе представить, чтобы отрок, юноша или старик обиделись, услышав в свой адрес обращение *мужчина*.

Коннотативная асимметрия пары *мужчина/женщина* делает составляющие ее слова неравнозначными с точки зрения прагматики, что тоже создает коммуникативные неудобства в использовании ее в качестве этикетной.

В последнее время в СМИ настойчиво насаждаются обращения *господин/госпожа/господа*. Попытка подобной реанимации представляется мало перспективной. Во-первых, ей препятствует этимологическая мотивация лексем именем *Господь*: в условиях резко изменившегося отношения к Богу она воспринимается как живая связь в современном русском языке, делая данное имя не совсем уместным в качестве обращения к обычному лицу. Во-вторых, использование вокативов *господин/госпожа* в современных социальных условиях претит большинству русскоговорящих, звучит иронично, вызывая эффект комического. Нельзя не согласиться с тем, что их «использование вызывает эффект отчуждения и может иметь даже пейоративный оттенок» [Кронгауз, с. 130–131].

Вряд ли станет популярной в качестве обращений и гендерная пара *сударь/сударыня*. В ней, правда, этимологическая связь со словом *государь* уже стерлась,

но элемент претенциозности остался. В. И. Супрун справедливо отмечает в связи с этим, что «вокатив *сударь/сударыня...* не может преодолеть сопротивления коммуникантов» [Супрун].

Важно и то, что классическое литературное наследие, в котором обращения *господин/госпожа* и *сударь/сударыня* имеют связь с определенными денотатами, тоже не способствует адаптации их в современном коммуникативном процессе.

Имя — это знак, но не совсем простой: система деривационных, парадигматических и синтагматических отношений делает его особенным, отличным от знаков других систем [Шмелев, с. 100–101], однако определенная условность даже его переносного значения сохраняется, что неоднократно отмечалось лексикологами. Так, довольно трудно логически мотивировать, почему имена необходимых, полезных и любимых домашних животных (*кот, кошка, курица*) послужили деривационной базой для негативных антропонимов. В этом смысле позитивная метафорическая коннотация пары *голубчик/голубушка*, никогда не подвергавшаяся отрицательному переосмыслению, вполне объяснима и оправдана в функции этикетных гендерных вокативов. Этому способствует и тот факт, что прямые номинативные значения входящих в нее слов малоупотребительны, поскольку называемая ими птица крайне редко нуждается в определении пола со стороны пользователей языка. Если же такая потребность возникает, то гендерная определенность выражается, как правило, дериватами *голубок, голубочек/голубка, голубочка*: *...Это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно... Господи! Это всё так и было, — сплеснула мать руками, — и голубочка того как есть помню. Ты перед самой чашей встрепенулся и кричишь: «Голубок, голубок!»* (Ф. М. Достоевский. Подросток).

Процессу возможной активизации слов *голубчик/голубушка* в качестве гендерных вокативов в современном русском языке способствует также словообразовательная структура имен. *Голубчик* входит в тип образования существительных — наименований лиц мужского пола — от существительных же с помощью словообразовательного форманта **-ик**: *везунчик, попрыгунчик, купидончик*. *Голубушка* занимает место в типе образования существительных — наименований лиц женского пола — от существительных же с помощью словообразовательного форманта **-ушк-**: *лапушка, сударушка, молодушка*. Обращают на себя внимание и другие деривационные особенности слов пары. Номинация *голубчик*, с одной стороны, включается в парадигмы с уменьшительно-ласкательным значением суффикса **-ик**: анималистическую (*зайчик, котик, пёсик* и т. п.) и личную (*братик, солдатик*), с другой — ассоциирует с гендерной лексемой *мальчик*, которая в современном русском языке является производной [Тихонов, т. 1, с. 571]. Лексема *голубушка* тоже имеет парадигмы с уменьшительно-ласкательным значением — анималистическую (*лебедушка, журавушка, коровушка*) и личную (*кумушка, сударушка*). При этом *голубушка* входит в ассоциативный ряд слова *девушка*, в котором, как и в существительном *мальчик*, суффикс заметно теряет морфемный статус. Процесс утраты словами *голубчик/голубушка* уменьшительно-ласкательного значения позволяет констатировать наметившийся процесс семантического и соответственно коннотативного их опрощения при выражении лиц мужского и женского пола.

Литературное наследие Чехова является образцовым во всех отношениях. Его врачи, учителя, студенты, литераторы, инженеры, художники представляют самый многочисленный средний класс, язык которого наиболее близок современному пользователю языка. Вокативы *голубчик/голубушка*, частотные в прозе писателя, располагают всем набором языковых признаков, чтобы стать этикетными гендерными обращениями.

Это подтверждается и особенностями перевода их на английский язык, в котором лексемы *голубчик/голубушка* не располагают вокативной функцией:

— А? Я человек сырой, оступел, — ответил он. — Какие мои советы? И вы напрасно беспокоитесь.... Не знаю, право, отчего вы беспокоитесь? Не беспокойтесь, *голубчик!*

“Eh? I am a feeble, stupid old man”, he answered. “What use would my advice be? You shouldn’t worry yourself... I really don’t know why you worry yourself. Don’t disturb yourself, *my dear fellow!*” («Мой дорогой друг/ товарищ»)

— Павел Андреич, скажу я вам по-дружески: перемените ваш характер! Тяжело с вами! *Голубчик*, тяжело!

“Pavel Andreitch, I speak to you as a friend: try to be different! One is ill at ease with you, *my dear fellow*, one really is!”

— Пожалуйста, *голубчик*, — сказал я таким тоном, как будто Никанор имел право не послушаться. — Поедем, пожалуйста!

“Oh, please, *my dear fellow*”, I said in a tone as though Nikanor had the right to refuse. “Please let us go!”

— Приехали, *голубчик*, значит, не сердитесь, — зашептал он, сопя.

“You have come, *my dear fellow*, so you are not vexed,” he whispered, sniffing.

— Эй, прокатим генерала! Запалим, новых купит, *голубчики!*

“Hey! Let’s give the general a drive! If you come to grief he’ll buy new ones, *my darlings* («Мои друзья»)!”

The wife (transl. by Constance Garnett)

Обратим внимание на абсолютно точное понимание русских обращений переводчиком, который варьирует их атрибутивный состав, ориентируясь на конкретный текст, позволяющий ему выразить в переводе ту или иную степень доверительности в отношении к собеседнику, выраженную в русском тексте одним и тем же вокативом *голубчик*. Так, в плюральной форме *голубчики* из состава распространенного вокатива, обращенного к множеству лиц, исключается атрибутивный адъектив *дорогой*. Он воспринимается носителем английского языка в его первоначальном значении *милый, любимый, близкий сердцу* [Словарь современного русского литературного языка, т. 4, с. 402–403], поэтому, с его точки зрения, становится неуместным, когда речь идет о множестве собеседников. Переводчику трудно увидеть, что в русском речевом этикете прилагательное *дорогой* несколько теряет закодированную в словаре яркость оценочной семантики.

Оценивая передачу русского обращения *голубчик* на английский язык, обратим внимание на два момента. Во-первых, язык перевода располагает вариантами, по-разному идентифицирующими один и тот же русский вокатив, что свидетельствует о восприятии иностранцем коннотативного и семантического значения слова в полном его объеме, позволяющем реализовать все грани его содержательной емкости в самых различных речевых ситуациях. Во-вторых, показателен факт не востребованности синонимичных русскому обращению английских зоометафор, что обнаруживает десемантизацию в них анималистического значения и подтверждает их готовность стать этикетными обращениями.

Функционально значимые слова, к которым, безусловно, относятся вокативы, в наибольшей степени зависят от социальной характеристики коммуникативного процесса. Зоонимы в качестве обращений позволяют снять статусные маркеры, которые препятствуют использованию слов в звательном значении. Языковой анализ пары *голубчик/голубушка* показывает, что в системе языка нет препятствий для использования ее в русском речевом этикете. Слово остается за теми, кто активно и профессионально участвует в формировании речевой культуры, пропагандируя вместе с мастерами слова лучшие образцы словоупотребления.

БАС — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1950—1965. [BAS — Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t. M. ; L., 1950—1965.]

Ефремов В. А. Трансформации русского речевого этикета: обращения // Вестн. Герцен. ун-та. 2010. № 10. С. 44—48. [Efremov V. A. Transformatsii russkogo rechevogo etiketa: obrascheniya // Vestn. Gertsen. un-ta. 2010. N 10. S. 44—48.]

Кронгауз М. А. Обращение как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999. С. 124—134. [Krongauz M. A. Obraschenie kak sposob modelirovaniya kommunikativnogo prostranstva // Logicheskij analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke / отв. red. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. M., 1999. S. 124—134.]

Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. М., 1991—1993. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 20 t. M., 1991—1993.]

Супрун В. И. Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке // Грани познания : электрон. науч.-образов. журн. ВГУП. 2010. № 5 (10). URL: www.grani.vspu.ru. [Suprun V. I. Osobennosti ispol'zovaniya vokativnykh edinits v sovremennom russkom yazyke // Grani poznaniya : elektron. nauch.-obrazov. zhurn. VGPU. 2010. N 5 (10). URL: www.grani.vspu.ru.]

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 1985. [Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka : v 2 t. M., 1985.]

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 280 с. [Shmelev D. N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki. M., 1973. 280 s.]

Янко Т. Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог'2009» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. 2010. С. 574—579. [Yanko T. E. Russkie obrascheniya: slovarnaya informatsiya i vokativnye konstruksii // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : tr. Mezhdunar. konf. «Dialog'2009» po komp'yuternoj lingvistike i ee prilozheniyam. 2010. S. 574—579.]

The Wife [Электронный ресурс]. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/c/chekhov/anton/c51wif/chapter1.htm> (дата обращения: 10.10.2012).

Статья поступила в редакцию 19.10.2012 г.